

*«Меч королей»
посвящается Сюзанне Поллак*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий» для эпох ближайших или включающих время правления Альфреда — 871–899 годы н. э. Но даже это решение не гарантирует от ошибок. Название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хазглингейте». Сам я тоже не был слишком последователен, используя современную форму «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд», тем самым избегая намека на то, что границы древнего королевства могли совпадать с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Андефера — Эндовер, Уилтшир

Басенгас — Бейсинг, Гемпшир

Бebbанбург — Бамбург, Нортумберленд

- Бемфлеот* — Бенфлит, Эссекс
Веала — Уолбрук, Лондон
Верламесестер — Сент-Олбанс, Хартфордшир
Викумун — Хай-Уиком, Бакингемшир
Вилтунскир — Уилтшир
Винтанкестер — Винчестер, Гемпшир
Глевекестр — Глостер, Глостершир
Гримесби — Гримсби, Линкольншир
Дамнок — Данвич, Суффолк
Истсек — Эссекс
Йорвик — Йорк, Йоркшир (датское название)
Канинга — Канви-Айленд, Эссекс
Колнесестер — Колчестер, Эссекс
Контварабург — Кентербери, Кент
Крепелгейт — Криплгейт, Лондон
Лиган — река Ли
Линдисфарена — Линдисфарн (Священный остров), Нортум-
 берленд
Линдкольн — Линкольн, Линкольншир
Луддгейт — Ладгейт, Лондон
Лунден — Лондон
Лутиэ — Лечче, Италия
Мамесестер — Манчестер
Ора — Оэр, Кент
острова Фарнеа — Фарнские острова, Нортумберленд
пещера святого Кутберта — Кадди-Кейв, Холберн, Нортум-
 берленд
Свальван — река Суйэл
Селмерсбург — Челмсфорд, Эссекс
Сестер — Честер, Чешир
Сестрехунт — Чешунт, Хартфордшир
Синингестун — Кингстон-апон-Темз
Сиппанхамм — Чиппенхем, Уилтшир
Скеапиг — остров Шеппи, Кент
Страт-Клота — королевство на юго-западе Шотландии
Судгевеорк — Саутуарк, Лондон

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Темез — река Темза

Тотехам — Тоттенхем, Большой Лондон

Туэд — река Туид

Ферентон — Фарндон, Чешир

Фернхамм — Фарнхем, Суррей

Флеот — река Флит, Лондон

Фугхелнесс — Фолнесс, Эссекс

Фэфрешем — Фэвершем, Кент

Хамбр — река Хамбер

Хамптонскир — Гемпшир

Хеабург — вымышленное название для Уайтли-Касл, Камб-
рия

Хеоротфорда — Хартфорд, Хартфордшир

Элентон — Мейденхед, Беркшир

Эофервик — Йорк, Йоркшир (саксонское название)

Часть первая

ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

Глава 1

«Гидена» не вернулась.

Она была не первым сгинувшим моим кораблем. Море беспокойно и обширно, а корабли малы. «Гидена», что значило «Богиня», была меньше прочих. Построили ее в Гримесби на Хамбре и нарекли «Халигвэтер» — «Святая вода». Через год после спуска на воду ее выкупил я. Не желая иметь в своем флоте корабль с откровенно христианским названием, я заплатил девственнице, чтобы она пописала в трюм, переименовал судно в «Гидену» и вновь отдал рыбакам, только уже своим, беббанбургским. Они забрасывали сети вдали от берега. В день, когда ветер был особенно резким, небо серым, а высокие волны вскипали пеной, разбиваясь о скалы островов Фарнеа, «Гидена» не вернулась. Мы сочли, что она затонула, оставив в беббанбургской деревушке шесть вдовиц и вдвое большее количество сирот. Может, мне не стоило менять название: каждый моряк знает, что, переименовывая корабль, ты искушаешь судьбу. Впрочем, всем известно и то, что моча девственницы отводит беду. Вот только боги бывают такими же жестокими, как море.

Потом на своем корабле «Банамадр» прибыл Эгил Скаллаgrimрсон. Земли ему были пожалованы мной за службу и располагались на границе моих владений

и королевства Константина Шотландского. В трюме драккара Эгила лежал труп.

— Его выбросило на берег близ Туэда, — сообщил Эгил. — Один из твоих, так ведь?

— Туэд? — переспросил я.

— Южный берег. Обнаружили тело на илистой отмели. Правда, чайки нашли беднягу раньше.

— Заметно.

— Так это один из твоих?

— Да, — подтвердил я.

Покойника звали Хаггар Бентсон. Был он рыбаком, кормщиком на «Гидене»; здоровенный детина, большой любитель эля, задира, покрытый шрамами множества драк. Хаггар поколачивал жену, но был хорошим моряком.

— Он ведь не утонул? — спросил Эгил.

— Нет.

— И не чайки прикончили его. — В голосе Эгила сквозило веселье.

— Нет, — признал я, — не чайки.

Хаггара зарубили. Труп был нагим и белым, походил на огромную рыбу, если не считать рук и того, что осталось от лица. По его животу, груди и бедрам шли большие рассеченные раны, тщательно промытые морем.

Эгил коснулся сапогом зияющей раны, тянувшейся у Хаггара от плеча до грудины.

— Я бы предположил, что убил его топор, — бросил норманн. — Но сначала кто-то отрезал ему яйца.

— Я заметил.

Эгил наклонился к трупу и разжал ему челюсти. Эгил Скаллагримрсон был сильным, но, чтобы открыть Хаггару рот, ему пришлось постараться. Челюсть хрустнула, Эгил распрямился.

— А также забрал зубы, — пробормотал он.

— И глаза.

— Это могли сделать чайки. Глазные яблоки им особенно по вкусу.

— Но язык оставили, — заметил я. — Вот бедняга.

— Жалкая смерть, — согласился Эгил, потом повернулся и посмотрел на вход в гавань. — Мне известны только две причины, по которым человека пытаются, прежде чем убить.

— Две?

— Первая: они хотели позабавиться. Может, он оскорбил кого-то? — Эгил пожал плечами. — Вторая причина: нужно было заставить его говорить. Зачем иначе оставлять язык?

— Они? — спросил я. — Скотты?

Эгил снова перевел взгляд на обезображенный труп:

— Кого-то он зацепил за живое. Но скотты в последнее время тихие, на них это не похоже. — Ярл пожал плечами. — Может, личное что-то? Какой-нибудь рыбак, которого он обидел?

— Других тел нет? — уточнил я. На «Гидене» ушли шестеро мужчин и двое мальчишек. — Больше никого не нашли?

— Только этот несчастный. Но остальные еще могут болтаться где-то в море.

Что тут еще скажешь или сделаешь? Если «Гидену» захватили не скотты, то следовало предположить, что какой-то норманнский разбойник или же фризы воспользовались летней погодой, чтобы разжиться уловом сельди, трески, пикши, а также рабов. Как бы то ни было, «Гидена» пропала, и я подозревал, что уцелевшие из ее команды сидят сейчас на гребных скамьях захватчика. Подозрение почти переросло в уверенность, когда два

дня спустя, после того как Эгил привез труп, саму «Гидену» выбросило на берег к северу от Линдисфарены. Волны прибили ее к песчаной отмели, и перед нами предстал лишенный мачты корпус, едва держащийся на плаву. Других тел мы не обнаружили. Только остов, который так и бросили в песках: осенние штормы доломают его.

Через неделю после того, как пустая «Гидена» прикнулась к берегу, пропала еще одна рыбацья лодка. День тот был удивительно безветренный и спокойный, какой только могли сотворить боги. Суденышко называлось «Свелъве» — «Ласточка». Подобно Хаггару, его шкипер предпочитал забрасывать сети вдали от берега.

Впервые об исчезновении «Ласточки» я узнал, когда в Беббанбург пришли три вдовы, таща с собой щербатого священника по имени Гадд.

— Там оно, это... — промямлил поп, трясая головой.

— Это что? — спросил я, подавляя стремление подразнить священника, подражая его шепелявому из-за отсутствующего зуба выговору.

Отец Гадд трепетал, и недаром. Мне докладывали, что он в своих проповедях печалится, что господин их деревни язычник. Теперь, представ пред лицом этого самого язычника, поп подрастерял отвагу:

— Господин, Болгар Харульдсон, он этот...

— Мне известно, кто такой Болгар, — оборвал я его. Речь шла еще об одном рыбаке.

— Господин, он видел на горизонте два корабля. В тот день, когда «Свелъве» пропала.

— Мимо проходит много купцов, — сказал я. — Странно было бы, если он не видел кораблей.

— Болгар говорит, что они сначала шли на север, потом на юг.

Перетрусивший дурак лопотал невнятно, но наконец я сообразил, что он хочет сказать. «Свелъве» ушла на вес-

лах в море, и Болгар, человек опытный, видел, где лодка скрылась из виду. А потом заметил мачты двух кораблей, которые подошли к месту, куда направлялась «Свельве», постояли недолго и повернули назад. Сама «Свельве» скрывалась за горизонтом, и единственным зримым доказательством ее встречи с загадочными кораблями было то, что их мачты двигались на север, остановились, а затем снова стали смещаться к югу. Эти маневры не походили на курс купеческого судна.

— Вам следовало прихватить с собой Болгара, — попенял я, после чего дал серебро трем вдовам и два пенни священнику за принесенную весть.

— Что они сказали? — поинтересовался Финан вечером.

Мы сидели на скамье на улице и смотрели на бескрайнее море, покрытое рябью; от воды отражался лунный свет. Из господского дома доносились звуки песни и смех. Там отдыхали мои воины, все, кроме двух десятков, расставленных часовыми по высоким стенам. Легкий восточный ветерок приносил запах моря. Ночь была спокойная, и покой воцарился над Беббанбургом с тех пор, как год назад мы пересекли горы и разбили Скёлля в его высокой крепости. После той жестокой битвы мы сочли, что норманны получили урок и западная часть Нортумбрии усмирена, но минующие перевалы путники приносили слухи, что северяне продолжают прибывать и драккары причаливают к западным берегам. Их воины алкали земель, но ни один из норманнов не провозглашал себя королем, как это сделал Скёлль, и никто не перебирался через горы, чтобы разорять беббанбургские угодья. Установился своего рода мир. Константин из Альбы — эту страну некоторые называют Шотландией — воевал с норманнами Страт-Клоты и конунгом Овейном. В итоге

и Овейн, и Константин хотели жить с нами в мире, пока не разделяются друг с другом.

С шотландцами у нас установился «скоттский мир», как когда-то окрестил его мой отец, имея в виду регулярные набеги за скотом. Но набеги за скотом были всегда, да и мы не оставались в долгу, наведываясь в шотландские долины, чтобы вернуть угнанных у нас животных. Мы брали столько же, сколько забирали у нас. Проще было бы жить без набегов, однако даже в мирные времена молодых людей следует натаскивать в делах войны.

— Новость в том, что здесь объявились пираты. — Я кивнул в сторону моря и добавил: — И они захватили два наших судна.

— Пираты есть и будут.

— Мне это не нравится, — заявил я.

Финан, мой лучший друг, ирландец, в бою яростный, как все представители своего народа, и умелый как бог, рассмеялся:

— Дурной запах ударил в ноздри?

Я кивнул. Случается, что знание приходит ниоткуда: через ощущение, через едва уловимый аромат, через беспричинный страх. Боги оберегают нас и посылают это внезапное щекотание нервов, безошибочно предсказывающее, что среди в обманчиво-мирной рожице затаились убийцы.

— Зачем им понадобилось пытать Хаггара? — спросил я.

— Да потому, что он был тем еще ублюдком, понятное дело.

— Это-то ясно, — отозвался я. — Да только, боюсь, тут кроется кое-что похуже.

— Что предпримешь?

— Пойду на охоту, разумеется.

Финан рассмеялся:

— Заскучал?

Я ничего не ответил, и он снова захихикал.

— Тебе скучно, и ты просто ищешь повод поиграться со «Сперхафоком», — поддел он меня.

Это было правдой. Мне хотелось вывести «Сперхафок» в море, и потому я отправлялся на охоту.

«Сперхафок» получил имя в честь ястребов, гнездившихся в скудных беббанбургских лесах. Подобно хищной птице, этот корабль был охотником: длинный, с низким бортом в середине и дерзким штевнем с резным изображением головы ястреба. На банках его размещались сорок гребцов. Построили корабль два брата-фриза. Они сбежали со своей родины и завели верфь на берегу Хамбра, на которой и соорудили «Сперхафока» из доброго мерсийского дуба и ясеня. Остов его образовали, прибавив по одиннадцать длинных досок с каждого борта, потом установили мачту из упругой нортумбрийской сосны, укрепленную вантами и несущую рей, на котором гордо раздувался парус. Гордо, ведь на парусе красовался мой герб, символ Беббанбурга: оскаленная волчья голова. Волк и ястреб, оба охотники и оба свирепые. Даже Эгил Скаллаgrimсон, презиравший, подобно большинству норманнов, корабли саксов, да и их моряков, неохотно признавал достоинства «Сперхафока».

— Впрочем, это ведь корабль не совсем саксов, — говорил он. — Его строили фризы.

Независимо от того, кто строил корабль, «Сперхафок» был великолепен, когда в туманной дымке летнего утра проскользнул через узкую горловину беббанбургской гавани. Минула неделя с той поры, как до меня дошли вести про «Свельве», — неделя, в течение которой мои ры-

баки не отходили далеко от земли. По побережью, по всем бербанбургским гаваням распространился страх, и вот «Сперхафок» шел искать мести. Был прилив, ветер стих, гребцы старались изо всех сил, корабль преодолевал течение, оставляя за кормой разбегающийся след. Тишину нарушали только скрип весел в уключинах, шепот воды за бортами, плеск невысоких волн, накатывающих на берег, да одинокие крики чаек над могучими стенами Бербанбурга.

Сорок человек ворочали длинные весла, еще двадцать сгрудились или между банками, или на носовой площадке. Все были в кольчугах, только оружие, копья, секиры и мечи гребцов сложили посреди трюма вместе с грудой щитов. Финан и я стояли на короткой палубе для рулевых.

— Может, ветер попозже поднимется? — предположил Финан.

— А может, и нет, — буркнул я.

Финан не чувствовал себя уютно в море и никогда не понимал моей любви к кораблям. Со мной он пошел только потому, что ожидалась драка.

— Впрочем, убийц Хаггара наверняка уже давно след простыл, — проворчал он, когда мы вышли из ведущего в гавань пролива.

— Возможно, — согласился я.

— Тогда мы попусту тратим время.

— Вполне вероятно, — отозвался я. «Сперхафок» кивал носом на длинных, резких волнах, и Финан ухватился за ахтерштевень, чтобы не упасть. — Присядь и выпей эля, — посоветовал я ему.

Мы грели в направлении на восток. По мере того как воздух разогревался, с запада задул легкий ветерок, достаточный, чтобы моя команда подтянула реи к верхушке мачты, развернув парус с волчьей головой, и гребцы

с облегчением втянули весла. «Сперхафок» двигался вперед, рассекая ленивые волны. Земля растаяла в дымке у нас за кормой. Близ островов Фарнеа ловила рыбу пара суденышек, но, выйдя в открытое море, мы не видели больше ни корпусов, ни мачт, словно оказались совсем одни в целом свете. Пока корабль потихоньку нес нас на восток, я позволял рулевому веслу по преимуществу просто скользить по воде. Ветра едва хватало, чтобы наполнять тяжелый парус. Солнце потихоньку поднималось, бо́льшая часть моих людей спала.

Время для грез. И я пытался вообразить, как выглядит Гиннунгагап — бездна между вечным пламенем и глыбами льда. Бездна, в которой сотворен был мир. Мы плыли посреди серо-голубой пустоты. Мои мысли блуждали так же неспешно, как шел корабль. Финан дремал. Частенько ветер затихал, и парус опадал, потом надувался с глухим хлопком, поймав новый порыв. Единственным явным свидетельством, что мы движемся, служила легкая рябь, расходявшаяся от кормы «Сперхафока».

И в этой пустоте я думал о королях и о смерти. Эдуард был пока жив. Он называл себя *Anglorum Saxonum Rex* — королем англов и саксов. Сначала захворал, потом выздоровел, заболел снова, и даже пронесся слух о его смерти. Но Эдуард был все еще жив. И это было хорошо, поскольку мне пришлось дать слово Этельстану, что, когда его отец умрет, я убью двух человек. Обещание-то я дал, а вот как смогу исполнить, не имел ни малейшего представления. Ведь чтобы сдержать слово, мне придется покинуть Нортумбрию и углубиться в Уэссекс. А для Уэссекса я был Утред Язычник, Утред Безбожник, Утред Предатель, Утред Элдердеофол, то есть Предводитель Демонов. Чаще всего меня называли просто Утредэrv, что означает «Утред Проклятый». В Уэссексе у меня имелось множество влиятельных врагов и мало друзей, поэтому

оставалось одно из трех: я мог вторгнуться с небольшой армией, которая неизбежно будет разбита; мог пробраться с несколькими людьми, рискуя быть пойманным. Либо я мог нарушить обещание. Первые два выбора грозили мне смертью, третий — позорным клеймом человека, не сдержавшего слово, клятвопреступника.

У моей жены Эдит не было сомнений насчет того, как следует поступить.

— Нарушь клятву, — категорично заявила она.

Мы лежали в нашей опочивальне. Я пялился на потолочные балки, темные от копоти и ночного сумрака, и молчал.

— Пусть убивают друг друга, — втолковывала мне Эдит. — Эта драка — дело южан, не наше. Здесь нам ничего не грозит.

Тут она была права, в Беббанбурге мы были в безопасности, и все-таки ее настойчивость злила меня. Боги слышат наши обещания, и, нарушая клятву, мы рискуем навлечь на себя их гнев.

— Ты намерен погибнуть ради дурацкого обещания? — Эдит тоже разозлилась. — К этому ты стремишься?

Я хотел жить, но жить без пятна клятвопреступника на совести.

Рывок «Сперхафока» отвлек меня от тяжелых дум. Корабль ускорился, поскольку ветер усилился; я снова подхватил рулевое весло и ощутил, как дрожь судна передается через ясеневое веретено. Хотя бы тут выбор прост: чужаки убили моих людей, и мы плыли по покрытому рябью и сверкающему на солнце мириадами искр морю, чтобы отомстить.

— Мы уже дома? — спросил Финан.

— Мне показалось, что ты уснул.

— Задремал только, — буркнул Финан, потом встал и огляделся. — А там корабль.

— Где?

— Там. — Он указал на север.

Финан был самым зорким человеком из всех мне известных. Пусть он и постарел, глаз у него оставался таким же острым, как прежде.

— Только мачта, без паруса, — добавил он.

Я вглядывался в дымку на горизонте, но ничего не видел. Потом будто бы заметил на фоне серого неба неровную черточку, словно нарисованную углем. Мачта? Я потерял черточку из виду, снова нашел и повернул корабль на север. Парус сопротивлялся, пока мы не выбрали шкот правого борта, после чего «Сперхафок» снова накрепился под напором ветра, и вода громче зажурчала за бортами. Мои воины просыпались, разбуженные внезапным оживлением судна, и стали высматривать далекий корабль.

— Паруса на нем нет, — доложил Финан.

— Ветер для него встречный, — пробормотал я. — Поэтому он идет на веслах. Купец, скорее всего.

Едва успел я договорить, как тонкая черточка на горизонте исчезла, сменившись распущенным парусом. Теперь я видел его хорошо: прямоугольное пятно большого паруса различить было куда проще, чем мачту.

— Он повернул в нашу сторону, — заметил я.

— Это «Банамадр», — заявил Финан.

— Гадаешь! — Я расхохотался.

— Это не догадка, — возразил мой друг. — На парусе орел. Это Эгил.

— Ты видишь орла?

— А ты нет?

Теперь оба корабля плыли навстречу друг другу, и вскоре я четко разглядел побеленную известью полосу поверху борта, хорошо заметную на фоне темных нижних досок корпуса. Отлично были видны также черный

контур распростершего крылья орла на парусе и орлиная голова на штевне. Финан оказался прав — это был «Банамадр», что означает «Убийца». Корабль Эгила.

Когда «Банамадр» подошел ближе, я спустил парус и оставил «Сперхафок» качаться на резвых волнах. Для Эгила это был знак, что он может встать к нашему борту, и я смотрел, как его корабль забирает в сторону, подходя к нам. Он был поменьше «Сперхафока», но такой же узкий, фризской постройки, и утеха для Эгила — как все норманны, нигде тот не был более счастлив, чем в море. Я смотрел, как волны разбиваются о штевень «Банамадра». Тот продолжал поворачивать, тяжелый рей опустился, люди втянули парус и уложили рей со свернутым парусом по длине судна. Затем с точностью, о которой любой моряк может только мечтать, «норманн» скользнул вдоль нашего правого борта. Человек на носу «Банамадра» бросил конец, с кормы полетел еще один, и Эгил отдал приказ команде свесить парус или плащи поверх побеленной полосы, чтобы при соприкосновении мы не повредили борта друг друга.

— Ты занят именно тем, чем я предполагаю? — спросил он с улыбкой.

— Даром трачу время, — отозвался я.

— Может, и не даром.

— А ты?

— Караулю ублюдков, захвативших твои корабли, разумеется. Можно подняться на борт?

— Давай!

Норманн выждал, оценивая волну, потом прыгнул. Эгил — язычник, поэт, моряк и воин. Высокий, как я, он ходил с гривой длинных светлых волос. Его подбородок, острый, как штевень драккара, был чисто выбрит, у него были глубоко посаженные глаза, нос в форме секиры

и улыбочивый рот. Мужчины легко проникались к нему расположением, а женщины еще легче. Я знал его всего год, но относился к нему с симпатией и доверием. По возрасту он годился мне в сыновья и привел семьдесят норманнских воинов, которые присягнули в обмен на земли, данные на южном берегу Туэда.

— Нужно идти на юг, — отрывисто заявил Эгил.

— На юг? — переспросил я.

Эгил кивком поприветствовал Финана:

— Утро доброе, лорд. — Он неизменно величал Финана лордом, что всех нас забавляло. Потом ярл посмотрел на меня. — Ты не даром тратишь время. Мы повстречали шотландского купца, плывшего на север, и он сказал, что видел в той стороне четыре корабля. — Эгил мотнул головой в южную сторону. — Это где-то в глубине моря, дальше от земли. Четыре саксонских корабля. Просто стояли. Один остановил его. Саксы потребовали три монеты за проход, а когда скотт отказался платить, забрали весь его груз.

— Они потребовали с него подать?

— От твоего имени.

— От моего имени?! — негромко, но раздраженно переспросил я.

— Я уже возвращался, чтобы сообщить тебе. — Эгил окинул взором «Банамандр», на котором находились четыре десятка воинов. — У меня маловато людей для схватки, но вдвоем мы, может, их и пощиплем?

— Сколько воинов на тех кораблях? — Финан оживился и вскочил на ноги.

— На том, что остановил скотта, было сорок. Еще два, по его словам, примерно таких же размеров, а четвертый поменьше.

— Пощиплем, — мстительно пообещал я.